

Ульяна Треть,
Анна Эристова

Хозяйка
«Волшебной флейты»

**Ульяна Гринь
Анна Эристова
Хозяйка «Волшебной флейты»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67284807

SelfPub; 2023

Аннотация

Почти прибыльное заведение, сказала она. Всего лишь год, сказала она. А потом отпущу с миром и с наградой... Не верьте благообразным дамочкам по утрам! Вообще не верьте дамочкам! Не подписывайте мутных договоров, даже если вам предоставят магический перевод! Не нанимайте оборотня охранником! А главное... Не влюбляйтесь без памяти в глубоко положительного мужчину. Даже если он смотрит, как будто съесть готов. Ну, или хотя бы пожевать!

Содержание

Глава 1. Завязываю	4
Глава 2. Осматриваюсь	20
Глава 3. Управляю	35
Глава 4. Отбиваюсь	51
Глава 5. Изыскиваю	67
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Анна Эристова, Ульяна Гринь Хозяйка «Волшебной флейты»

Глава 1. Завязываю

– Нет, всё! – сказала я громко сама себе. – Завязываю!

Икнув, прижала руку к животу. Там мутило. В голове тоже крутили вертолёты. Хорошо, что я села на скамеечку! Иначе на своих шпильках не прошла бы и десяти метров. Нет, надо завязывать, серьёзно. Долго я так не продержусь.

Ещё и клиент пошёл нервный – то ли приток наркотиков в городе, то ли фазы Луны сбились... Вот сегодняшний, например, вообще какой-то фрик. Думала, живой от него не уйду. Но обошлось, слава богу. Разве что ангел-хранитель окончательно поседел.

– Завязываю, – твёрдо повторила вслух, чтобы зафиксировать своё искреннее желание. Я всегда верила в магию слов.

Чёрт, не надо было полировать шампанское пивом...

Утро. Я никогда не думала, что в моём городе ранние утра такие красивые. Нежные пастельные тона неба, шорох ли-

стьев под лаской ветра, острый запах мокрого асфальта и тягучий аромат цветущих лип – всё это я научилась ценить только в такие моменты, когда шла домой, в свою маленькую каморку на последнем высоком этаже старого дома на Тверской. И никого, кроме дворников – сосредоточенных на своей метле маленьких людей с восточными лицами. А ещё моими спутниками были птицы – голуби, воробьи, славки. Как раз в то время, когда я топала через парк, они рыскали по аллеям или распевались на деревьях, невидимые глазу.

Сейчас на ветке надо мной пела не славка. Я вытащила из сумочки телефон, нашла приложение и запустила его на запись. Приложение бесстрастно анализировало звуки города и выдало: «Дрозд обыкновенный». Надо же! Я никогда не думала, что так поют дрозды – с присвистом, как будто флейтист проверяет свой инструмент...

Вздохнув, упаковала обратно смартфон, растрепала волосы привычным жестом – я так делала часто, чтобы заполнить паузу в разговоре. А что? Внимание приковывает, рот раскрывается, слюни текут... Надо завязывать, правда, а то у меня уже все мысли только о том, поможет мне данный жест или данное слово в соблазнении очередного клиента или помешает...

– Разрешите присесть, мадемуазель?

Услышав такое, я медленно подняла голову, чтобы взглянуть на женщину, которая задала этот вопрос. Моргнула, ибо подумала, что мне чудится. Такие дамы по скверу на Твер-

ской не гуляют в пять утра!

У неё были завитые кудряшками седые волосы, пронзительные глаза ярко-голубого цвета на морщинистом лице и брошь, приколотая на воротнике розовой блузки. Да, строгая розовая блузка с рукавами-буфами и прямая юбка-карандаш длиной до середины икры, а ещё туфли на низком каблуке – похожие носила моя прабабушка в последний раз, когда я её видела. Дама показалась мне сном или видением, поэтому я ещё раз моргнула. Но она не исчезла. Более того: не дожидаясь ответа, села на лавочку рядом и, чинно сложив руки на обтянутых юбкой коленях, спросила:

– Есть ли у вас время побеседовать?

– О боге нашем всемогущем? – съязвила я, глядя во все глаза на это чудо. Таких я ещё не видала, но теперь можно сказать, что видала я всё. Дама лишь улыбнулась на мою дерзость, ответила мягко, но тоном, не оставляющим места для сомнений:

– Абсолютно не о нём.

– А о чём тогда можно трепаться в парке в это время?

– Если я не ошибаюсь, вы желали расстаться с чем-то.

– Допустим, – грубо ответила я. – Тебе какое дело?

Бабка божий одуванчик. Таких не подозревают ни в чём. Тихушницы...

– Допустим, у меня к вам деловое предложение.

– Дурь не употребляю и не собираюсь, – я даже отсела чуть дальше. Желудок снова замутило. Надо побыстрее до-

мой и выпить таблетку... Или освободить желудок. На месте разберусь, что лучше.

– Я не предлагаю вам никакого товара под названием «дурь», – ласково, но с ноткой твёрдости в голосе отказалась дама. – У меня действительно деловое предложение. Извольте выслушать.

– Да отвали ты уже, карга старая, – устало сказала я, поднимаясь. – Не изволю я ничего.

– От таких предложений не отказываются, – предупредила дама и добавила: – Танечка.

– Какого чёрта? Откуда вы знаете моё имя?

– Видите ли, мадемуазель, я стараюсь всегда собрать сведения, прежде чем заговорить с кем-нибудь... отсюда.

– Откуда это отсюда?

Если бы я могла, припустила бы бегом от этой старушенции, только пятки сверкали бы! Но я не могла – чулки порву, а они двадцать баксов стоят. А на шпильках далеко я не убегу. Поэтому ещё дальше отодвинулась и опасно глянула на старуху. Та кокетливым движением руки поправила свои букли на висках и с достоинством ответила:

– Сначала я должна убедиться, что вы примете моё предложение. Уверяю вас, мадемуазель, для вас оно не менее выгодно, чем для меня. К тому же вы несколько минут назад решили завя... завершить деятельность, которой занимаетесь в настоящий момент.

– Бла-бла-бла... – отмахнулась я. – Ладно, валяйте ваше

предложение. Только... Аспиринчика не найдётся?

– Вам не нужен аспирин, – авторитетно заявила бабка. – Слушайте. Моё имя мадам Корнелия.

– Аж мада-ам! – ехидно протянула я, но получила по колену перчатками:

– Не перебивайте меня, это невежливо! Так вот, я владею сетью коммерций на восточном побережье.

На побережье чего?

– Но я уже немолода и желаю удалиться на покой. Знаете ли, у меня есть домик в курортном городке на водах, увитый диким виноградом, со служанкой и кучером, с коляской и четвёркой лошадей...

Зачем мне вся эта информация?

– И можете себе вообразить, мадемуазель, я пристроила все мои заведения в надёжные руки! – неожиданно громко воскликнула старушка, и я вздрогнула. – Кроме одного.

– И-и-и? – я сделала скучающее лицо. Тоже умею тянуть время и играть в покер. И вообще, это я ей зачем-то понадобилась, а вот она мне совсем не нужна. Мне нужен мой душ за треснувшей стеклянной перегородкой, мой шампунь с шелковицей и моя кровать с твёрдой подушкой и мягким одеялом...

– И я предлагаю вам, Танечка, стать управляющей заведением в Мишеле! – торжественно заключила розово-седая дама с брошью.

Как будто оказала мне великую честь и неоценимую услу-

гу, ей-богу!

Танечка, то бишь я, отсела на самый край скамейки и сказала мадам Корнелии как можно более спокойным голосом:

– Конечно, конечно. Заведением. Да.

Как бы сбежать от этой сумасшедшей?

– Но, знаете, я в кофейнях – как свинья в жемчуге. Наверное, вам стоит поискать кого-то другого.

– Кто вам сказал, что у меня кофейня? – кокетливо рассмеелась дама. – Нет, заведение отнюдь не кофейня и даже не чайный салон.

– Ну, мне в общем-то глубоко фиолетово, какой у вас там салон, – уже грубее ответила я. – Из меня никакой управленец, я ненавижу математику и вообще...

– Послушайте, мадемуазель! – старуха начала слегка раздражаться. – Я не предлагаю вам стать счетоводом! Всего лишь разумно управлять полдюжиной человек и получать прибыль! Деньги считать вы умеете? Ничего другого делать вам не придётся, кроме как быть ухоженной, красивой и одеваться в роскошные платья.

– Ну да, ну да. А подвох-то в чём?

– Для чего вам искать подвох?

– По опыту знаю, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, – усмехнулась, вспомнив последствия самых заманчивых предложений в моей жизни. Их было немного, так что будем считать, что я прилежно училась на своих ошибках.

Как же отвязаться от приставучей бабки?

Я поморщилась от нового приступа головной боли, спросила без особой надежды:

– Аспиринчика не найдётся у вас всё-таки?

– Ох, наказание богини, – мадам Корнелия покачала головой и, щёлкнув замочком, раскрыла свой стильный ридикюль из фальшивого крокодила. Мода циклична, неужели эти мини-саквояжики опять входят в моду? Из сумочки появилась на свет кожаная же круглая коробочка с застёжкой. Я терпеливо ждала свою таблетку. Дама поймала на браслете левого запястья цепочку с крохотным ключиком, открыла замочек и откинула крышечку.

На бархате в специально сделанных углублениях лежали матовые камешки-голыши каждый размером с пятирублёвую монету. Мадам Корнелия окинула меня оценивающим взглядом и поинтересовалась:

– Голова и живот?

Я кивнула, заинтересовавшись против воли:

– А это что, литотерапия?

– Некоторые ваши слова, душечка, – она достала камень приятного фиолетового цвета в чуть более светлые разводы, – вводят меня в прострацию.

Я отшатнулась, когда она занесла руку надо мной, но старуха с укоризной посмотрела мне в глаза:

– Мадемуазель, сидите спокойно!

Камень лёг мне на лоб почти между бровей. Я замерла,

боясь, что он упадёт, но голыш держался как приклеенный. Он был тёплым, но дарил прохладу. А дама вынула из углубления ещё один камешек – на этот раз приторно-розового цвета – и приложила к солнечному сплетению, быстро и точно сунув руку мне в декольте. Я старалась не шевелиться и не отсвечивать, но ситуация была настолько неестественной и чудной, что мне захотелось хорошенько проржаться. А прохлада приятно разлилась по телу, стало легко. Потом я поняла, что голова больше не болит.

– Как вы это сделали? – удивилась я, прислушиваясь к желудку. Шторм успокоился, блевать не тянуло.

– Сидите мирно, Танечка, – любезно посоветовала старуха. – Пусть действие камней вылечит вас окончательно.

– Это что, какой-то развод? – снова усомнилась. – Они натёрты наркотиком?

– Во имя чёрной богини, какая же вы недоверчивая! – воскликнула мадам Корнелия. – Вы именно тот человек, что мне нужен для управления заведением!

– Уфти, – выдохнула устало. – Ладно, рассказывайте, что там у вас за предложение.

– Так я уже всё вам рассказала, мадемуазель. Я нанимаю вас, вы получаете прибыль и половину прибыли отправляете в мой банк каждый месяц. Вот и всё!

– А сейчас, конечно же, ваше хм-хм заведение убыточно?
– Что вы, упаси богиня! Есть некоторые нюансы, если не вдаваться в подробности, но я уверена, что вы справитесь с

любыми трудностями, Танечка.

Так, начинается. Трудности, нюансы... Нет, это всё-таки развод, я уверена! Надо смываться. Тем более, что я уже вылечилась от птичьей болезни.

– Спасибо, конечно, за доверие, так сказать... Но не думаю, что мне сейчас нужны трудности. Я, пожалуй, пойду.

И даже начала подниматься со скамейки, но мадам Корнелия сказала спокойно и твёрдо:

– Сидеть!

Я замерла. Не то чтобы послушалась... Но её тона невозможно было ослушаться. Вот уж точно – мадам. Спohватившись, отлепила будто намагниченные камни от кожи и протянула старухе:

– Видите ли... Я хотела накопить немного денег, чтобы пойти на курсы маникюра... А не вот это вот всё.

– Душечка, как только вы сможете воспитать достойную хозяйку из смены, вы сможете прекрасным образом вернуться и пройти ваши курсы... э-э-э чего вы там хотите?

Я пошевелила поднятыми пальцами:

– Ноготки!

– А! Ну да, хотя бы это. Так вот, я предпочитаю складывать яйца во много разных корзин, поэтому в вашем мире у меня тоже есть некоторые вклады. По окончании контракта, по выполнению всех условий вы получите достойную сумму в ваших деньгах.

– Сколько? – практично спросила я.

– Сколько стоят ваши э-э-э курсы?

– Тысяча баксов, – ответила быстро. Ладно, чутка зависила, но надо всегда просить больше, тогда дадут, сколько надо.

Мадам Корнелия прищурилась и кивнула:

– По рукам.

И ладонь протянула. Я тоже прищурилась. Нет, подвох точно есть, слишком быстро она согласилась. И вообще, я даже не знаю, где эта Мишель. Может, в Турции какой-нибудь или в Египте, а там надо держать ухо востро! Живо паспорт отберут и рабыней сделают...

Но, глядя в голубые старушечьи глаза, я отчего-то послушно вложила руку в её ладонь и пожала.

– Что ж, Танечка, по рукам ударили, теперь самое время отправляться на место, – довольно сообщила мадам Корнелия. Она вынула из ридикюля ещё одну коробочку, открыла её ещё одним ключиком и набрала в щепоть мелкого серого порошка. Дунула, осыпав нас обеих, улыбнулась и сказала:

– Мишель.

Как будто из ниоткуда поднялся ветер, зашумели липы над нами, а дрозды спрятали флейты и сами спрятались. Я испуганно вскрикнула:

– Что это? Прекратите немедленно!

– Ля демуазель не должна бояться магии, – наставительным тоном заметила мадам Корнелия. – Она должна подчинять её себе.

И после этой шикарной философской мысли ветер пре-

вратился в ураган, поднял нас обеих – спокойную, как сова, старуху и орущую от ужаса меня – и закрутил в сумасшедшей полке.

Когда танец завершился, я, не в силах устоять на ногах, повалилась на пол.

На пол?

Мы оказались в большой комнате с балками под белёным потолком, с камином, холодный зев которого смердел сажей, с деревянным полом, и не выровненные половицы создавали впечатление, что дом этот – в деревне. У бабушки такие полы были...

– Ну что же, перенос прошёл удачно, – сказала мадам Корнелия настолько беспечным тоном, будто говорила о покупке пирожного в кафе. – Поднимайтесь же, Танечка.

– Вам хорошо, – проворчала я, пытаюсь собраться в кучку и заставить мышцы повиноваться. – А я ничего не поняла...

– Вы в Мишеле, дорогуша, и нам нужно осуществить ещё много важных дел! Подписать договор, приодеть вас согласно этикету, передать вам некоторую сумму в качестве подъёмного капитала...

– Делайте, как знаете, – буркнула я вяло, оглядываясь.

Дом производил впечатление старинного поместья. Кроме балок и камина на это указывали простые одинарные окна без стеклопакетов и жалюзи. За окнами раскинулся цветущий сад, и я подошла поближе, чтобы разглядеть, что именно цветёт. Показалось, что вишни, хотя ведь уже не сезон!

– Простите, а где именно находится Мишель? – спросила отвлечённо. Мадам Корнелия так же отвлечённо сказала:

– А, в другом, отличном от вашего, мире. Пойдёмте же в кабинет, надо подписать договор.

– В каком ещё другом мире? О чём вы вообще говорите?!

Вишни, это точно вишни! Но они не цветут в одно время с липами. А в парке цвели липы... Как такое возможно? Как вообще возможно то, что я оказалась здесь после того, как ураган унёс нас со скамейки?

Мадам Корнелия коснулась моей руки, и я вздрогнула, дико посмотрела на старуху. Та улыбнулась мягко и сказала:

– Просто примите в голове тот факт, что вы оказались в совершенно другом месте. А остальное приложится. Быть может, чаю с бергамотом? Лесси! Лесси, где ты, глупая девчонка?

Была бы я Лесси, я бы фыркнула и отчитала старую дуру за «глупую девчонку». Но на зов прибежала одетая совершенно невообразимым образом молоденькая девушка. На вид ей было лет пятнадцать, не больше. Чёрное платье в пол с белым передником, как у советских школьниц, только гораздо длиннее, придавало девушке вид старинной горничной. Но самое главное – её волосы прикрывал охренительный белый чепчик с кружевами, завязанный ленточками под горлом!

Лесси коротко присела в книксене и встала, сложив руки на переднике:

– Слушаю вас, барыня.

– Живо сервируй чай с бергамотом в кабинете и не забудь несколько кусочков сахара, – распорядилась мадам Корнелия. Я же закрыла рот и просто смотрела на Лесси большими глазами. Та бросила на меня любопытный взгляд, снова присела и убежала в коридор. Повернувшись к мадам Корнелии, я спросила:

– А это?

– Моя служанка Лесси. Весьма нерасторопна и медлительна, но при должной муштре из неё может выйти толк. Я оставляю её в вашем услужении. Она сможет и причесать, и накрыть на стол. Идёмте, Танечка.

Пришлось последовать за ней. По узкому и длинному коридору мы свернули налево, потом прошли через большую красиво обставленную комнату, стены которой украшали огромные портреты в стиле ампир, в другую – более строгую, без безделушек и картин, но с большой библиотекой. Я подошла к ближайшему шкафу, тронула корешки – такие пыльные! Их никто не брал в руки уже много времени. Эх, было бы у меня столько книг...

– Мадемуазель, договор! – напомнила старуха от стола.

– Иду, иду.

Она подвинула мне несколько исписанных от руки листов желтоватой бумаги, и я попыталась вчитаться в текст, но не поняла ни слова. Буквы были знакомые, не то кириллица, не то латиница, но в слова не складывались. Отодвинув бумаги,

решительно заявила:

– Я не буду это подписывать. Я тут ничего не разбираю. Написано не по-русски.

– Ох, да не беспокойтесь, эта проблема решаема. Лесси! Саквояж!

Буквально через пару секунд прибежала Лесси с крокодиловым ридикулем и почтительно поставила его на стол. Мадам Корнелия достала коробочку с камнями и вынула из неё полупрозрачный камень с редкими серыми разводами. Встав, подошла ко мне и приложила его к моей макушке:

– Вот так, а теперь попробуйте прочитайте договор!

Я смотрела на бумагу, смотрела, смотрела... И вдруг разобрала слово «заведение», а за ним – слово «пользование», и название «Пакотилья». Хм, симпатичное название для рестораника... Или всё же это кофейня? Похоже на паэлью...

– Итак?

– Читаю, – сказала, разбирая остальные слова. Обычный витиевато составленный договор передачи в аренду. Дом и заведение, а также коляска и кобыла. Кобыла эта меня отчего-то так поразила, что я, пробегая взглядом текст, всё время возвращалась к ней. Кобыла, с ума сойти...

– Подписывайте, мадемуазель, и ваше полное имя внизу не забудьте.

Ещё раз глянув на слово «кобыла», я взяла перо, с сомнением обмакнула его в чернильницу и, поставив на договоре жирную кляксу, расчеркнулась в низу страницы. Светле-

ющими чернилами вывела «Татьяна Ивановна Кленовская».

– Ну вот и прекрасно! – воскликнула мадам Корнелия, прихлопнув бумаги ладонью. А я стояла, как оглушённая, только и думая о том, что, кажется, совершила самую большую глупость в своей жизни.

– Лесси! Сноси мои баулы в карету, я уезжаю немедленно!

– А как же я? – спросила глупо.

– А вы, душечка, управляйте! – рассмеялась мадам Корнелия, взмахнув рукой. И ушла.

Так-так... Пакотилья, значит. Ну что ж, я хотела завязать – я завязала. Теперь надо осмотреть выданное мне в аренду заведение и решить, с чего начать управление им.

Лесси проводила бывшую хозяйку и вернулась, встав передо мной, как и прежде – со сложенными на переднике руками. Спросила тоненьким голоском:

– Барыня, что прикажете?

– Лесси, ну... покажите мне тут всё, что ли.

– Барыня делают мне слишком много чести, обращаясь, как к равной, – скромно хлопнув ресницами, ответила девушка. – Думаю, вам не терпится осмотреть в первую очередь спальню и гардеробную?

– Ага, давай спальню и гардеробную, – согласилась я. Как они тут разговаривают такими сложными конструкциями? Можно же проще сказать, зачем наворачивать?

Мы поднялись по узкой скрипучей лестнице на второй этаж мимо развешенных по стене картин с сельскими пейза-

жами, и Лесси открыла дверь, присела в книксене:

– Прошу барыню зайти. Я приготовлю мятные обтирания. Мадам Корнелия купила для вас платье, я разложила его на кровати, если желаете посмотреть.

– Обтирания? Мне бы в душ, – я оглянулась. – Тут есть ванная?

– Простите? Барыня желают в баню? Но сегодня не воскресный день! – испуганно воскликнула Лесси.

– Ох ты боже мой... – вздохнула я. – Ладно, давай обтирания.

Глава 2. Осматриваюсь

Лесси принесла в спальню бадью воды, от которой поднимался пар. К ней прилагались мешочки, простые холщовые мешочки, от которых пахло травами. Лесси положила их на столик перед кроватью, и я схватилась за один из них. Мята! В мешочке сушёная мята. Вдохнула, закрыла глаза. Боже, как дома...

– Барыня соизволят снять своё платье, или позволят это сделать мне?

– Чего?

Я обернулась к девушке. Та стояла передо мной с губкой в руках – большие глазки, добрая улыбка. Милая, няшная, но умываться я привыкла сама. Поправились:

– Я соизволю. А ты... Сходи принеси чай, который в кабинете.

– Быть может, барыня прикажут заварить новый чай? Тот уже остыл.

– Остыл, так кипяточка добавь. Давай свою мочалку. Иди.

На лице Лесси отразилась вся гамма чувств – от недоверия до ужаса. Как это добавить кипяточка? Этот вопрос не был озвучен, я чётко услышала его по выражению бровей и губ. Сказала с нажимом:

– Иди, Лесси, принеси чай, который ты сервировала в кабинете.

Служанка приняла абсолютно оскорблённый вид и, аккуратно положив губку возле бадьи, вышла из комнаты, не забыв присесть на прощание.

Мать моя женщина, какой Версаль!

Выдохнув шумно, как утюг на функции отпариватель, я стащила через голову своё минималистическое платьишко и взялась за мокрую губку. Она приятно пахла мятой, и я с удовольствием обтёрлась где смогла. Трусики тоже сбросила и осталась голышом. Глянула на платье – оно было очень старомодное. Я такое не надену. Точно-точно, никогда в жизни. А что есть ещё?

В шкафу, который вонял нафталином, было пусто. Неужели мадам Корнелия мне купила только одно платьишко? Вот это, желто-коричневое, с оборочками, с длинным рукавом? Пока Лесси несла чай, я обыскала всю комнату. Больше никакой одежды не было. Только одно платье.

Плохо.

Но выполнимо.

Я прикинула платье на себя, глянула в зеркало. А ничего такое, возможно даже мне пойдёт. Если рукава убрать, а застёжку эту горловую расстегнуть...

Процесс одевания в платье оказался непростым. Я никак не могла всучиться в него. Просто совсем не налезало в талии! Я и так, и сяк, но натянуть на себя это кукольное платье не смогла. И, когда Лесси вошла в комнату, сказала:

– Оно слишком маленькое!

– Барыня, – вздохнула служанка. – Вы забыли надеть корсет.

– Что? Нет, только не это! Корсет... Лесси, а если без него?

– Барыня не смогут втиснуть талию в платье, сделанное для сорока сантиметров!

– Барыня не хочет себя ограничивать в сорок сантиметров!

– У барыни нет выбора.

Её улыбочка сказала мне, что фиг я выйду из дома без платья, а в платье – фиг я выйду без корсета. Один ноль в пользу служанки. Три ноль в пользу корсета! Я скривилась, но выдохнула:

– Ладно, давай корсет.

В следующие двадцать минут мы усиленно пытались втиснуть мои худенькие тела в сорок сантиметров корсета. Я орала, выдыхала, задерживала дыхание, ругалась матом. Но в конце концов всё получилось. Правда, у меня сложилось ощущение, что я больше никогда не смогу ни вдохнуть, ни съесть кусочек. Зато талия стала действительно тоненькой!

– Лесси... Я смогу... дышать? – спросила безнадежно. Служанка окинула мою фигуру довольным взглядом и огладила руками передник:

– Барыня очень красивая с тонкой талией.

– Можешь вылить чай в унитаз, – сказала я мстительно. – Мне некуда его пить.

– Как барыня прикажут, – присела в книксене Лесси. Я попыталась вздохнуть, но не смогла. Я вообще не могла дышать, но организм требовал, поэтому, пробуя размеры корсета, вдохнула, выдохнула. Потом ещё. И ещё. В принципе, жить можно, хоть и сложно. Зато ничего лишнего не съем и не потолстею.

– Ладно, теперь платье, – сказала обречённо. Лесси тут же схватила произведение местной «от кутюр» цвета детской неожиданности и представила передо мной в раскрытом виде. Стараясь не двигаться больше, чем необходимо, я вступила ногами в юбку и подняла голову, пока Лесси натягивала её на бёдра, потом рукава на руки, потом застёгивала вдоль спины длинный ряд бесконечных пуговиц, обтянутых той же тканью. Я ещё подумала: боже, это же так неудобно! Самой ни снять, ни надеть!

Лесси отряхнула, поправила, разгладила и отступила:

– Вам так идёт, барыня! Горчичный цвет всё-таки очень благородный.

– Ужасно, да, – я долго разглядывала себя в тусклое зеркало, стоявшее на трёх ножках в углу спальни, потом сказала: – Хорошо, теперь я хочу посмотреть на... заведение.

– Барыне необходимо причесаться, – деликатно заметила девочка.

– Ну дай расчёску, – я пожала плечами, чувствуя, как давит на рёбра корсет.

– Если барыня позволят, я уложу волосы.

– Мне что, и чепчик нацепить, как у тебя? – фыркнула почти безнадежно. Да, удружила старая мадам! Корсет, причёска... Это полный абзац.

– Что вы, чепец надевают, только отходя ко сну, барыня, – покладисто сообщила Лесси.

– Чтоб я сдохла, если надену чепец, отходя ко сну, – сказала я, будто пообещала. – Причёсывай давай, я вообще уже нифига не понимаю, что делать.

Через каких-нибудь полчаса я стала обладательницей шикарной причёски из собранных наверх и уложенных при помощи миллиона шпилек волос. Нет, конечно, я преувеличиваю, не миллион их было, но что не меньше тысячи – это точно. Голова лишилась привычной лёгкости, а я ощутила себя настоящей дамой. С ума сойти, и всего-то надо корсет и причёску, чтобы из ночной бабочки превратиться в мадам.

Надеюсь, в кофейне меня не вычислят.

– Что теперь, Лесси? – спросила я у служанки, когда та закончила возиться с волосами. Девушка присела на согнутых ногах и сказала милым тоном:

– Если барыня желают отправиться в «Пакотилью», я велю кучеру подогнать коляску к парадному входу.

– Боже ж ты мой, – пробормотала я. – Ну, вели. А я пока прогуляюсь по дому, посмотрю, что тут у вас где.

Она явно хотела что-то сказать, но передумала, только изобразила книксен и вышла.

А я вдруг вспомнила о своей сумочке. Надо куда-то её

спрятать. Там мой паспорт, мои деньги, моё всё. Огляделась. В спальне, конечно, много мест, но надо найти такое, чтобы уж точно никто не догадался заглянуть. Точно, надо найти место, где много пыли. Значит, даже Лесси туда не лазит. А где у нас самые труднодоступные места?

На шкафу было чисто. За зеркалом не нашлось даже паутин. Под кроватью можно было есть с пола. Чёрт, вот же чистоplotная девка! Зря её ругала мадам Корнелия. Но это не решает моей проблемы.

В конце концов, я засунула сумочку под матрас – далеко на середину кровати. И, успокоенная, вышла из спальни, спустилась по лестнице на первый этаж. Так, тут у нас кабинет, это я помню. Тут у нас гостиная. А что тут?

Открыв дверь между этими двумя, я вошла в кокетливо обставленную комнату. Тут были картины, голые статуи, всё, как в старинных кино. Парчовые диванчики. Креслица. Камин с широкой полкой. На полке стояли портреты молодой женщины в корсете. Да-да, не в платье, а в корсете с оголёнными плечами. И волосы у неё были распущены по плечам. Красивая, очень эффектная женщина... Хозяйка дома? Присмотревшись, я угадала черты мадам Корнелии и хмыкнула. А она была ничего в юности! Почти модель! Были бы тут фотографии – с руками бы оторвали для съёмок! Конечно, образ милой старушки с седыми буклями никак не вязался с образом этой роковой красотки, но кто их нас не грешил в юности? Усмехнувшись, сказала сама себе: не мне бросать

камень. А салончик симпатичный. Видимо, для приёма гостей.

Закрыв дверь, я прошла дальше по коридору, миновав гостиную. Свернула в узкий проход, где даже потолок стал ниже, спустилась по каменным ступеням на полметра и вдруг попала на кухню. О том, что это именно кухня, я поняла по огромной русской печи, занимавшей почти половину всего пространства. Она была откровенно закопчённой и выглядела, как плохо отмытая базарная баба.

Печь заговорила со мной низким, сиплым, но приятным женским голосом:

- Куда это вы, барыня? Леську б послали, я б всё сделала!
- Да я так просто, уважаемая печь, я ничего не хочу, – растерянно пробормотала.

Печь разродилась круглой, как большой, распаренный колобок из перестоявшего теста, тёткой. Та заклокотала, прикрывая пухлой ладошкой рот, и я поняла – смеётся. Обиженно вздёрнула нос и добавила:

- Посмотреть хотела, что сегодня на ужин. А вы кто? Повариха?

– Кухарка я, барыня, а звать меня Акулина, – и баба поклонилась в пояс, заставив меня удивлённо вскинуть брови. Как у неё получается сгибаться пополам? А вот получается же... Бадьи тяжёлые таскает, наверное, вон какая корзина с... что это там? Свекла? Блёклая какая-то...

- Очень приятно, Акулина, так что у нас на ужин?

Кухарка даже отступила на два шага. Мне показалось, что она испугалась. Крестным знаменiem себя осенила, мельenько, не так, как наши звёзды в церкви, не широко и размашисто. Я пожала плечами. Акулина махнула рукой:

– Простите, барыня, я и забыла... Говорила барыня, что приведёт кого-то оттуда... А я и забыла.

– Откуда оттуда?

– Ну, нам знать не положено, – кухарка взяла нож, свёклину, принялась скрести, не глядя на меня. – Мы люди маленькие, наше дело вона: готовка. Парную свеколку сготовлю вам, барыня, да с куропаткой томлёной. Идите уж, идите с кухни, а то одежда вон пропахнет дымом, Леська потом замахается проветривать!

– Иду я, иду, – сказала с неожиданной обидой. – Ухожу.

– Барыня! – позвал меня тонкий голосок Лесси из коридора. – Барыня, где вы? Кучер уже подогнал коляску!

– Иду. Я уже пришла, – сообщила я служанке, поднимаясь по ступенькам обратно. – Спасибо.

– Шляпку, барыня, – с лёгкой укоризной она подала мне соломенное нечто с завязками. Я запротестовала:

– Нет, это не моё. Я такое не ношу!

– Негоже барыне с непокрытой головой по улице раскатывать, – уже твёрже сказала девушка и, встав на цыпочки, нахлобучила шляпку мне на причёску. Я даже пикнуть не успела, как Лесси завязала элегантный бант под подбородком. Боже, кошмар какой-то! Придётся спрятаться в карете

и не отвечивать!

Но только я собралась вырваться из цепких лапок служанки, как она снова меня огорошила:

– Перчатки, барыня!

– Р-р-ры, – вырвалось у меня, и Лесси странно глянула, но решила не обращать внимания и подала мне пару тонких замшевых бежевых перчаток, вышитых по тыльной стороне нежными цветочками почти такого же оттенка, как и моё платье. Натянула и перчатки. Посмотрела на Лесси, поджав губы:

– Ещё что-нибудь? Трость? Сапоги? Сумку?

– А, да! Барыня в точности правы! Ридикульчик!

Она метнулась в гостиную и принесла мне кожаную сумочку в форме сердца с петелькой наверху. Протянула с книксеном, я продела запястье в петельку и вздохнула:

– Как же тут всё сложно...

Лесси проворно открыла входную дверь, и я шагнула наружу, в новый незнакомый мир.

Он пах вишнями и свежестью прохладного ветерка. Облака на небе спешили, догоняя друг друга, отчего солнце мигало, то скрываясь за ними, то светя холодно. Я поёжилась, но платье неожиданно отлично грело. Шерстяное, что ли?

За дверью оказался маленький садик, усыпанный опадающими розовыми лепестками. Трава была ещё жухлой, зимней, скованной в тисках крохотных оградок, которые тянулись вдоль песчаной дорожки до самой ограды – кованной,

монументальной, с калиткой, с впечатанными между прутьев фигурками птиц и цветов. Кучер – здоровый бородатый мужик в тёмной ливрее и высоком, с широкой тульей цилиндре – почтительно согнулся, распахнув калитку, и ждал, пока я дойду до коляски, запряжённой красивой, серой в яблоки лошадкой.

– Добрый день, – сказала я кучеру. – Как вас зовут? Меня Татьяна.

– Доброго денёчка барыне, – удивлённо прогудел мужик. – Порфирий я, ваше благородие.

– Очень приятно, отвезите меня, пожалуйста, в заведение. «Пакотилья», да?

Он протянул мне руку, и я догадалась опереться на неё, чтобы забраться в коляску. До этого момента мне казалось, что самое ненадёжное средство передвижения – это коляска старого советского мотоцикла. Теперь коляска с лошадью стала первым номером в моём рейтинге кошмарной «техники». Лошадь постоянно двигалась, перебирая ногами, а я возблагодарила небеса, кармические силы и личную удачу за то, что мне не предложили сесть верхом!

– Н-но! Пошла, родимая! – прикрикнул на лошадь Порфирий, и коляска тронулась. Впрочем, это оказалось даже забавно. Цок-цок копыта по булыжникам мостовой, скрип-скрип большие колёса без резины, а я ухватила руку за подлокотник, разглядывая город.

Дома все были маленькие, самые высокие – в два этажа.

Палисадники и деревянные заборчики с крашеными в белый штакетинами придавали домикам кукольный вид. Вишни цвели так густо, что все ветки были облеплены розовым снегом. Обожаю вишнёвый компот... А в этом году его будет много! Надо Акулине сказать, что я люблю вишню...

Но дома и деревья практически сразу ушли на второй план. Я жадно разглядывала людей, ходивших по деревянным настилам, заменявшим в этом городке тротуары. Кстати, надо спросить, куда приволокла меня мадам Корнелия.

– Порфирий! А где мы? – крикнула кучеру. Он в полуобороте бросил:

– Так на Главной улице, барыня! К церкви едем, а там направо свернём – и в Красную Слободку попадём!

– А город, как город называется?

– Михайлов, – удивлённо прогудел Порфирий. – Михайловской губернии!

– Спасибо, – коротко ответила я.

Про Михайловскую губернию никогда ничего не слышала. Значит, и правда какой-то чужой мир...

– Вот и церковь, – кучер махнул рукой вперёд и крупно, размашисто перекрестился. Я заметила, что все, кто входил на небольшую площадь перед церковью, повторяли его жест. Перекрестилась сама на всякий случай, глянув на золочёные купола. Не стоит выделяться. Мадам Корнелия ничего мне не сказала об этом мире.

– А тут ещё трошки – и уж в «Пакотилье» будем!

– Отлично, – пробормотала я. – А то меня, кажется, укачивает...

И правда, снова замутило в желудке. Поэтому я очень обрадовалась, когда коляска остановилась перед домом с высоким крыльцом и вывеской, обрамлённой фигурными фонариками на кованых ручках. «Пакотилья» было написано курчавыми буквами. Я оглядела фасад. Два этажа, узкие окна, плотно задёрнутые тёмными шторами, трещина слева от крыльца. Эх, это нехорошо! Здание может рухнуть. Надо бы спросить у знающих людей.

Порфирий соскочил с козел и подал мне руку:

– Пожалуйста, барыня.

– А вы возвращаетесь домой?

– Что вы, барыня! Как всегда, туточки поставлю кобылку да буду вас ждать.

Я кивнула:

– Хорошо. Только я не знаю, сколько времени пробуду в заведении. Возможно, до вечера.

– Так моё дело маленькое – привезти, увезти.

Я снова глянула на фасад. Ладно, стоять и смотреть можно бесконечно, надо идти.

Поднялась по ступенькам, взялась за ручку и толкнула дверь. Она не поддавалась. Тогда я потянула. Дверь отворилась, явив мне тяжёлые бархатные портьеры пыльного бордового цвета. Звякнул колокольчик. Я отодвинула портьеру, вошла, пригнув голову. В нос ударили запахи холодного пеп-

ла, алкоголя и цветов. Фыркнув, я сделала несколько шагов по прихожей, стены которой были оклеены пошлыми сиреневыми обоями с золотистыми фризами по верху и по низу. Здесь стояли кокетливые, словно кукольные диванчики в тон обоям и крохотные столики, а на столиках вазы с сухими цветами. Ага, заменить надо...

Я прошла в дверь и застыла на пороге большой комнаты. Заменить? Пожалуй, в этом заведении нужно заменить всё.

В декоре из плюша, бархата и перьев на роскошных диванчиках сидели девушки. По меркам моего времени и мира – старомодно одетые в корсеты и коротенькие юбки, из-под которых торчали полосатые или розовые чулочки на подвязочках. По меркам этого времени и мира – неприлично полуголые!

Кофейня?

Чёрта с два.

Какая же я была дура, когда подписалась на этот дурацкий договор!

– Ой, откуда к нам такую приличную барышню замело?

Одна из девиц, повыше и поплотнее остальных, черноволосая, с правильными, но грубоватыми чертами лица, стянула на голых плечах шаль с длинной бахромой и прошла по комнате за спинкой диванчика. Остальные захмыкали, возвращаясь к своим занятиям. Одна раскладывала пасьянс, другая штопала чулок, ещё две просто сидели, развалившись на диванчике, покручивая на пальце локон распущенных во-

лос.

– А что, к вам и зайти нельзя? – спросила я с привычным вызовом. – Или за вход платить надо?

– Барышня, да вы никак дверкой ошиблись!

Откуда-то, как чёрт из табакерки, выскочил неприятного вида хлыщ – худощавый, прилизанный, с пижонскими тонкими усиками. Согнувшись в поклоне, рукой указал на выход:

– Прошу, пожалуйста за мной, я вас провожу!

– Э, спокойно. Я новая хозяйка э-э-э заведения!

Реакция за моими словами последовала, в принципе правильная. Девуцы переглянулись между собой, потом уставились на меня, оглядывая платье и шляпку. А хлыщ преобразился – разогнулся, улыбнулся понимающе и протянул мне руку:

– Мадам, какая радость! Прошу вас, пожалуйста в кабинет, я сервирую бокальчик, введу вас в дело...

– Потом, – руки я ему не подала, настолько тип был неприятным. – Итак, у вас тут...

Я оглядела девушек, подняла брови, поправилась:

– У нас тут бордель.

– Что вы, что вы, исключительно увеселительное заведение для мужского досуга, – снова залебезил хлыщ. Он подтолкнул девушку в шали поближе ко мне, но сделал это шлепком пониже спины. Девушка ничего не сказала, но бросила на мужчину такой взгляд, что мне сразу всё стало по-

нятно. Однако всё же уточнила:

– А вы чем здесь занимаетесь?

– Служу, мадам, сервирую, распределяю девиц по гостям, – снова склонился он и украдкой посмотрел на одну из них – самую юную и самую пока ещё свежую. В глазах его словно разлили масло – так они блестели.

Сколько я перевидала подобных взглядов...

Недаром сразу решила, что тип мне неприятен. Со вздохом спросила:

– Имя?

– Ксенофонт, мадам.

– Отлично, ты уволен.

Глава 3. Управляю

– Простите? Я не ослышался?

Он играл такое искреннее изумление, что я даже поверила. Но всего на секунду. Я мадам, чтоб Корнелию черти взяли! Я хозяйка. Поэтому...

– Ты глухой? Вещи собери свои и вон.

Ксенофонт оскорбился. А вот девушки явно обрадовались. Я могла потрогать их счастье, таким оно было осязаемым! Отлично, значит, мне не придётся извиняться перед этим типом. Он всё ещё стоял столбом, и я шагнула ближе, придвинулась чуть ли не вплотную, стараясь не дышать от запаха, которым были пропитаны его волосы, сказала тихо:

– Если ты не уберёшься отсюда немедленно, я вызову полицию.

– Вот этого я вам, мадам, не посоветую, – пижонские усики дёрнулись вниз, улыбка обнажила не слишком здоровые зубы. – У девиц-то наших не у всех билетики в порядке.

Билетики? А, да, жёлтый билет вместо паспорта... Бог знает, откуда мне это известно. Ладно, один ноль, но битва не проиграна. Я тоже улыбнулась, но мои зубы блестели эмалью, как мои глаза – правотой:

– Если что, я тебе могу и сама по уху съездить, без полиции! Вон из заведения! Если я тебя увижу ещё раз в своей жизни – убью. Понял?

По-видимому, мой взгляд был достаточно убедительным, потому что Ксенофонт слился практически сразу. Он отнырнул от меня, схватил с барной стойки шляпу-котелок, откуда-то добыл трость и перчатки и как-то очень быстро испарился.

Если честно, мне даже стало дышать легче.

Я помахала рукой, чтобы нагнать свежего воздуха, и сказала сама себе, в пространство:

– Я хотела завязать! Завязать...

Подняла голову к потолку и пожаловалась высшим космическим силам:

– Но не так же!

Опомнившись, взглянула на девиц. В комнате воцарилась мёртвая тишина. Только одинокая, рано проснувшаяся муха жужжала над блюдом с подвявшими булочками. Я стояла, глядя на девушек, а они все смотрели на меня большими глазами. Раньше как-то мне не приходилось принимать решения, не приходилось заботиться о ком-то. Только о себе. Сама работала вначале, потом прибилась к сутенёру, потом от него к «мамке» на квартиру. А теперь я сама «мамка»...

Нет, так нельзя. Я же завязала.

Девушек было пять. Не все красавицы, не все куколки. Но накрашены густовато – губы подведены, щёки нарумянены, а на глазах – не то жирный карандаш, не то уголь из печки... Учить их и учить. Ладно, пока надо решать, что делать дальше.

Не могу же я в самом деле стать «мамкой» и продавать девочек клиентам!

– У кого ключ от заведения? – спросила глядя поочерёдно на каждую. Все молчали, только та, с шалью, бросила, прежде чем отвернуться и отойти к дивану:

– У Ксенофонта.

– Дубль?

Они смотрели на меня непонимающе. Я махнула рукой:

– Короче, никого не пускайте, сегодня мы закрыты.

Девушка в шали тут же обернулась, возмущённо цыкнула:

– Это как же! А платить мы чем будем?! Как так?

– Тебя как звать? – обратилась я к ней персонально.

– Аглая.

Низкий голос, стать, рост. Хороша. И прямо видна в ней порода – может, аристократка? Как в этом мире можно стать проституткой? Что с ней случилось? Ладно, это потом. Всё потом. Решать проблемы надо по мере их поступления.

– Кто из вас тут дольше всех работает?

Оглядев товарок, Аглая подбоченилась, распустив шаль руками:

– Ну, я, допустим.

– Пойдём, – кивнула ей. – Как там этот холуй сказал? В кабинет.

Она вильнула плечом, приглашая меня за собой. Девушки смотрели тревожно, переглядывались, кто-то шепнул подружке что-то, чего я не разобрала. Но с ними я разберусь

позже, пока мне надо всё узнать. А кто лучше может мне рассказать о заведении, чем девушка, которая дольше других работает в нём?

Кабинет оказался отдельной комнатой, в которой, кроме узкой односпальной кровати, стояли стол со стулом и шкаф с книгами и папками. Я взяла одну из них, открыла. Бумага, написанная витиеватым почерком с вензелями, а сверху надпись «Полицейское управление Михайлова, губернское управление Михайловской губернии, Российская империя». Уфти! А ниже – «Сие дано Головкиной Аглае в удостоверение, что она является путаной и имеет жёлтый билет».

– Головкина – это ты? – спросила я у Аглаи. Она кивнула. Я прищурилась, оглядев её с ног до головы, потом продолжила допрос: – Откуда ты пришла в... заведение?

Она снова вильнула плечом, сказала своим шикарным грудным голосом:

– Так батюшка мой купец был, разорился. Сам повесился, имение с молотка пустили, завод забрали. А нам куда, детям? Братцев моих забрали в ремесленники, а я вот помыкалась да к мадам Корнелии прибилась.

Ясно-понятно. Таких историй я слышала море. Только вместо купца – инженер, а вместо торгов – коллекторы.

Отложив папку, взяла вторую. Полистала. Дело Настасьи Менихиной. Спросила:

– Настасья, это кто?

– А курносенькая наша, с пасьянсом, – охотно ответила

Аглая. – Из крестьян она. Новенькая.

– Аглая, как вам тут работается?

Я убрала папки в шкаф. Потом посмотрю. Обернулась к девушке. Аглая пожала плечами:

– А как и у других. Нигде не лучше, нигде не хуже.

– О чём ты говорила, когда я сказала закрыть заведение?

– Так ведь девушки платят мадам каждый день, – она усмехнулась и подняла на меня круглые чёрные глаза – такие красивые, такие яркие. – За комнату, за пропитание, за чулки и бельё.

– Дело только в этом? Да не вопрос, Аглая, за сегодня вы не платите ничего.

– Мадам любезна, – коротко ответила она, хмурясь. Я спросила:

– Что такое?

– Мадам любезна только сегодня? Ксенофонта выгнали, за постой не возьмёте... А завтра что?

Она смотрела пристально, цепляя взгляд глазами. Такими выразительными... Я вдохнула, выдохнула. Сказала ей:

– Сядь, Аглая. Поговорить надо.

– Отчего б не поговорить, мадам, – улыбнулась она. Улыбка разилась со взглядом. Девушка умела, как и все путаны, улыбаться одними губами. А вот глаза остались тревожными. Понять её можно, конечно: как не волноваться, когда новая метла приходит и начинает мести? Но я не изменю своей цели. А цель моя – сделать из этого заведения нечто совер-

шенно другое, нежели обычный бордель. Потому что я завязала.

– Сколько стоят твои услуги?

Аглая пожала плечами, стянув шаль на груди, ответила:

– Целковый за свечу.

– И это значит?

Она обернулась, взяла с комода свечу и показала мне:

– Пока горит – целковый. Прогорела – пожалуйста на выход, или Ксенофонт ещё целковый возьмёт.

Свеча была маленькой, тонкой и низкой. Что ж, сколько она может гореть? Полчаса? Знать бы ещё цены в этом мире... Пометила в мозгу: узнать цены. Взяла у Аглаи свечу, спросила:

– И как, хватает мужчинам?

Девушка подняла глаза к потолку, фыркнула, как будто засмеялась, и сказала:

– Есть такие, что хватает, а есть такие, что сразу по три свечки берут.

– Не удивлена, – пробормотала я. Отложив свечу, пробежалась взглядом по папкам на полке: – А что тут? Не только же досье на девушек?

– Ксенофонт тут хранит всякие счета. Он же каждую бумажонку подшивает: за булочки из кондитерской, за чулочки из галантереи, даже за свечи!

– Тут? – я вынула папку наугад, и Аглая кивнула:

– Ага, мадам, это счета за алкоголь. Заказывали муссат в

винном доме господина Краузе, а вот пиво дрянное, экономил Ксенофонт...

– Да ты всё знаешь, Аглая! – восхитилась я, разглядывая каллиграфический почерк продавца. Две пинты муссатного вина – это же просто поэма!

– Я, мадам, спросить хотела, – сказала она, и я вновь порадовалась её голосу. В нашем мире из неё вышла бы оперная певица. А в этом – жрица любви...

– Спрашивай.

– Мы как теперь работать будем без Ксенофонта? Надо бы нового управника искать.

– Серьёзно? Чтобы он тебя лапал? – удивилась я, закрывая папку. – Нет, уж как-нибудь без Ксенофонтов обойдёмся. Управлять я буду сама.

Она посмотрела на меня удивлённым взглядом. Видимо, мадам Корнелия тут появлялась лишь деньги забрать. Но мне нечего было ей объяснять. И без неё проблем хватает. Муссат это явно игристое вино, потому что по-французски мусс – это пена. Притянуто за уши, но пусть уж так. А сколько у нас там пинта? Никогда не знала, но, видимо, придётся измерить, чтобы мыслить нормально, в литрах...

Ладно, это тоже потом. Сперва мне надо разобраться с девушками.

– Что там Ксенофонт говорил? Кто тут без документа?

– Так Авдотья, – с готовностью ответила Аглая. – Позвать?

– Зови.

Я закрыла папку, отодвинув её в сторонку, и села так, чтобы корсет давил поменьше. Господи, да как они вообще тут живут с этим пыточным приспособлением? Нет, я так больше не согласна. Попрошу сделать мне лифчик. А можно и вообще без него, что за глупые предрассудки!

В кабинет вошла худенькая маленькая девушка. Это она штопала чулок. У Авдотьи были остренький носик и огромные голубые глаза, как у Мальвины, только волосы, такие же выющиеся, как у куклы, оказались с рыжиной. Грязные, кстати, волосы. А-та-та, детка, мыться нужно не по воскресеньям, а каждый день!

– Мадам звала? – спросила девушка кротким тонким голоском.

Я кивнула:

– Садись. Скажи мне, как тебя зовут, и откуда ты.

– Спасибо, мадам, я постою. Авдотья я, по фамилии Заворотнюк. Сами мы из Артамоновска, туточки в Михайловской губернии. Маменька наша померла родами, а папенька наш полицмейстер тамошний, шестерых растил сам, да после женился снова.

Авдотья замолчала, потом пожала плечиками, словно ей было зябко в одном корсете, сказала:

– Мачеха выжила. Так я туточки и оказалась.

– Почему у тебя документов нет?

– Так ведь нельзя нам жёлтый билет, папеньке доложат.

Никак нельзя, чтобы папенька узнал...

Я закатила глаза к потолку, спросила безнадежно:

– А как же ты раньше работала? В полицию не забирали?

Авдотья улыбнулась всё так же кротко:

– Так Ксенофонт меня прятал.

– Прятал? Где?

– Так вот туточки, в кабинете.

Она повела рукой, указывая на низенький шкафчик. Бог мой, неужели она сидела в шкафчике, согнувшись в три погибели? Встав, я заглянула в шкафчик. Там были полки, а на полках стопки не то простыней, не то полотенец. Авдотья хихикнула, видя моё недоумение, и, откинув невидимый крючок, толкнула полки внутрь. Они со скрипом повернулись, открывая лаз в стене, а Авдотья пояснила:

– Чуланчик тамочки. Пересидеть можно.

– Понятно, – ответила я и закрыла лаз. – Документ нам с тобой всё-таки придётся сделать, Авдотья.

– Мадам, умоляю, будьте милой, только не жёлтый билет! – личико девушки всё скукожилось, и мне стало её жалко. Я ответила:

– Не жёлтый билет, а настоящий документ. Паспорт, например.

Существуют ли в этом мире паспорта? Как же мне всё тут узнать, изучить, желательно сразу? Почему мадам Корнелия не приложила мне камешек к башке и не вложила в неё все необходимые знания?

– Для паспорта, мадам, мне выйти замуж нужно, – вздохнула Авдотья. – А как же работать после этого?

– Глупости, мы что-нибудь придумаем, – ободряющим тоном сказала я. – Да и не будем мы работать, как прежде.

– Как это, мадам?

– Так это. Скоро всё узнаете. Зови, кто там ещё есть.

Авдотья похлопала глазками, видно, по привычке изображать из себя дурочку и вышла из кабинета. Я прошлась вдоль стены, погладив по спинке красивый изогнутый диванчик. А пыли-то, пыли... Надо клининговую службу вызывать! И вообще... Может, и дизайн изменить. Размахнуться я могу. И даже идеи есть.

– Звали, мадам?

Кошачий голосок, развязный тон, манеры вкрадчивые. На миг даже показалось, что в дверь вошла Кисуня, моя коллега и условная подружка. Но, как только я обернулась, навязание рассеялось. Девушка, стоявшая в кабинете, была маленькой, фигуристой, глазастенькой и улыбалась так, будто я была мужчиной.

– Как твоё имя?

– Пелагеей крещена.

– Петь умеешь?

– Что, мадам?

– Что слышала.

Кошачий голос начал слегка раздражать. Она всё прекрасно расслышала. Играет. Я села, закинув ногу на ногу, повто-

рила:

– Ты умеешь петь, Пелагея?

– Так петь-то мы все умеем, – схитрила она.

– Ты тут почему?

– А почему девки идут в заведение? – Пелагея сморщила носик и рассмеялась так, что я поняла – она тоже жертва. И у неё история, как у остальных – выгнали, стала ненужной. Только Пелагея решила скрывать свою историю за показной беспечностью и таким же показным смехом.

– Конкретнее, – потребовала я бескомпромиссно, прекрасно зная, что девушка соврёт.

– Да замуж хотела я, а он меня совратил и бросил.

Ага, понятно. Ну, может и правда.

– Что ты умеешь, Пелагея?

У меня возникла слабая идея, очень слабая. Кафе тут не сделаешь, ресторан тоже. Нет, можно, конечно, если выгнать всех девушек и сделать большой ремонт. Но куда они пойдут?

– Умеешь ли ты играть на каком-нибудь инструменте? Танцевать? Петь?

– Я, мадам, хорошо умею разговаривать с мужчинами и денег у них просить.

А вот теперь она сбросила личину кошки и встала передо мной, будто голышом. Ноздрями дёрнула. Плечами повела. Сказала грубо:

– А больше нам ничего уметь и не надо.

– Хорошо, – пробормотала я. – Иди. Позови мне Настасью.

Пелагея вскинула голову и вышла с таким гордым видом, словно была потомственной аристократкой. Я вздохнула. Ну, не всем же быть милыми няшками... Всегда есть стервы. И мне попалась Пелагея. Прямо себя увидела в ней. Я тоже стервой была когда-то, пока не поняла, что все одинаковые, и всё одинаково.

Настасья вошла, кутаясь в платок. Угловатая, курносая, с некрасивым, но милым личиком. Простенькая. Именно таких любят хорошие дядьки – знакомых и родных. Обстоятельства таковы... Так случилось... А она не такая. Как и все, ждёт трамвая.

– Настасья, почему ты здесь?

– Так ить лучше, чем в ночлежке, – удивилась она. – Тама и убить могут, а тут Ксенофонт не дал бы.

– А ты петь умеешь?

– Петь? – она запнулась на миг, потом раскинула руки, улыбку изобразила на лице и вывела низеньким, но уверенным речитативом: – Ай как у нас на вишнях девки собиралися! Ай как собира-али, да не всё собра-али! А вишня попадала-а, барин осерча-ал!

– Стоп! Тихо! – рассмеялась я. – Не надо больше.

– Мадам, а мадам! Вы меня только не выгоняйте, а! – взмолилась девушка. – Я ведь всё умею, всё! Я и стирать могу, и убирать! Я горшки могу выносить, я бокалы натирать

могу! И шить, и штопать!

– Настасья, – строго сказала я. – Почему ты думаешь, что я тебя выгоню?

– Так Пелагеюшка вона сказала... Кто петь не умеет, того вон!

Я встала. Так-так, уже начинает воду мутить Пелагея. А ведь только минуту, как вышла из кабинета... Её надо держать на виду, эту кошку драную. Вкрадчивые манеры – подлянки будет крутить. Поэтому... Нет, я её выгонять не буду. Но и головы дурить не дам.

– Слушай меня. Скажи девушкам, что никого выгонять я не стану и каждой найду место по способностям.

– Мадам так добра, – пробормотала Настасья чуть ли не в слезах.

– Но! Наше заведение станет другим.

– Как это? Не поняла.

– Потом поймёшь, мне надо подумать. Скажи мне, кто там ещё остался, кто ко мне не приходил?

– Разве только Аннушка, – обернулась на дверь Настасья. Я видела, что ей не терпится побежать к своим и рассказать о том, что я ей поведала.

– Зови. И вот что, есть тут что поесть, или где-нибудь заказать еду? Я голодна, да и вы, наверное, тоже.

– Могём сбегать в трактир, мадам! – на радостях воскликнула Настасья. – А уж там что желаете: и щец, ежели есть, и кулебяки можно взять, али каких солений!

- Возьми всего понемногу, а денег...
- Так я скажу на ваш счёт записать, мадам!
- А так можно?
- А как же! Записывали, бывало!
- А там долг есть?
- Я спрошу, ежели желаете!
- Спроси. Бумагу пусть напишут. Я расплачусь.

Настасья выскочила из кабинета, а я снова встала. Надеюсь, мадам Корнелия не оставила мне слишком много таких долгов. Подъёмный капитал-то она мне дала, а вот хватит ли его, чтобы осуществить ту туманную идею, что родилась в голове...

- Мадам, звали?

Аннушкой оказалась самая молодая, самая тихая и самая интеллигентная с виду девушка. Она была высокой, худенькой и почти плоской. Ни груди, ни попы. Если бы не корсет и длинные волосы, закрученные в вычурную причёску по типу моей, можно было бы назвать Аннушку мальчиком, переодетым в женское платье. Да и лицо у неё было таким... Вытянутым, со впалыми щеками, с выпуклыми скулами.

Девушка скромно остановилась у двери, сложив руки на животе. Я спросила рассеянно:

- Ты петь умеешь?
- Нет, мадам.
- А что умеешь?
- Играть на рояле.

– Серьёзно? – вскинулась я. – А что играешь?

– Этюды, симфонии... Могу подобрать популярные романсы.

– Училась?

– Шесть лет с учителем музыки, мадам.

– Подожди, ты училась музыке?! – удивилась я, принялась рассматривать её пристальнее. Интеллигентный вид может скрывать всё, что угодно. Аннушка зябко поёжилась и сказала тихо, словно стесняясь:

– И музыке, мадам, и иностранным языкам. Я бегло говорю по-французски, по-немецки и знаю латынь.

– Честно? Нет, я просто не смогу тебя проверить, потому что по-французски могу только «бонжур», «мерси» и «сан санкант эуро».

– Здравствуйте, спасибо и сто пятьдесят, – автоматически перевела Аннушка, – а вот чего именно – не знаю.

– Ну это понятно, – выдохнула я. – Да ты находка! Отлично! А почему ты здесь?

– Мадам позволит мне не отвечать на этот вопрос? – осведомилась Аннушка. Всё это безо всякого выражения на лице. Будто уже ничего не могло её взволновать или обрадовать.

Я кивнула. Потом я всё равно узнаю больше, но сейчас это не принципиально. Пусть даже она аристократка. А пока...

– Мадам!

В кабинет вбежала Аглая, толкнув Аннушку. Вид у де-

вушки был перепуганный. Она приложила ладонь к высокой груди и выдохнула:

– Полиция!

Глава 4. Отбиваюсь

Вслед за Аглаей в кабинете оказалась Авдотья. Бледная, как мел, дочка провинциального полицеймейстера вся дрожала мелкой дрожью и смогла только проблеять:

– Мадам, прятаться?

Я глубоко вздохнула несколько раз, чтобы прийти в себя. Нет, нельзя так меня пугать, что ж такое! Потом оглядела девушек и твёрдо сказала:

– Прятаться не надо. Всё будет хорошо. Аглая, останешься со мной, а остальные разойдись. И оденьтесь поприличнее, пожалуйста!

Авдотья помертвела. Я понимала её прекрасно, но прятать не собиралась. Надо сделать ей документ, а без полиции в этом деле не обойтись. Поэтому полицию я приму, объясню всё по-человечески. Не звери же, не съедят за отсутствие паспорта!

Аглая посмотрела в спины удалившимся товаркам и тревожно спросила у меня:

– Мадам, вам не кажется, что Авдотью лучше спрятать?

– Вечно прятаться нельзя, запомни это.

Я посмотрелась в висевшее на стене зеркало, поправила выбившийся локон и покачала головой. Лучше я была бы в своём платье, тогда местная полиция наверняка потеряла бы челюсти ещё на входе. Но да ладно.

– Пошли, Аглая, встретим полицию.

Она запахнула шаль на груди и снова нацепила на лицо выражение ироничной кокотки. Я тихо заметила:

– Поскромнее личико сделай.

– А то вы, мадам, нашей полиции не знаете, – фыркнула она. – Мужики они везде мужики, даже одетые в форму с эполетами! С ними себя держать надо.

– И всё же.

Учить она меня будет...

Я первой вышла в зал. Девушки оттуда испарились, зато по комнате прогуливались двое полицейских в тёмно-зелёных мундирах с простенькими погонами на плечах и в фуражках, похожих на кепи. Третий господин был в штатском. И он сразу мне не понравился.

Когда ты работаешь в злачной профессии, очень скоро начинаешь считать людей, как открытую книгу. Двое в форме – простачки, любят пожрать вкусно да выпить винишка, ещё не женаты, но не против были бы. А главный в этой троице – человек скрытный, но честолобивый. Служит по призванию. Сажать в тюрьму нарушителей – это его хобби, за которое удачно платят зарплату. И глаза у него такие... Честные! Незамутнённые. Он и после службы не пройдёт мимо старушки, укравшей булочку от голода, водворит её за решётку и пойдёт спать с чувством отлично выполненного долга.

– Добрый день, – сказала я с улыбкой. – Чем обязаны та-

кому визиту?

Когда ты улыбаешься искренне, все или практически все присутствующие невольно зеркалят твоё настроение и улыбаются в ответ. Полицейские в форме так и сделали, подтвердив мою теорию о простых мужиках. А главный в штатском остался серьёзен, как на похоронах. Он коротко кивнул в знак приветствия и заявил с налёта:

– Мне предписано арестовать вас, мадам. Собирайтесь и будьте любезны позвать мне Авдотью Заворотнюк.

– Зачем вам Авдотья?

– У меня есть информация, что она находится здесь без жёлтого билета.

– Откуда такая информация?

– От проверенного осведомителя. Прошу не сопротивляться. Если будете сопротивляться, мадам, нам придётся вас увести силой.

Глаза его задорно блеснули, и мне показалось, что уводить силой – это для него любимая часть работы. Нет, такого удовольствия я сему господину не доставлю. Обернувшись к Аглае, сказала:

– Если Авдотья оделась, пусть выйдет.

Аглая сделала большие глаза, но не посмела послушаться. Пошла куда-то на лестницу. А я повернулась к полицейскому:

– Простите, уважаемый, я не расслышала ваше имя.

– Афанасий Николаевич Трубин, – с лёгким поклоном от-

ветил тот.

– Очень приятно.

Я сделала ещё одну попытку:

– Быть может, мы пройдем в кабинет и за бокалом вина выясним все... спорные моменты?

– На службе не пью, – гордо отказался Трубин.

Я так и знала. Ладно, прокатимся с Авдотьей в полицейский участок, может быть, там найдутся более адекватные сотрудники.

Девушка тряслась, как пушинка на ветру. Мне пришлось сжать её руку, тем самым заставив посмотреть на меня. В глазах Авдотьи я прочла панический страх. Шепнула ей спокойно:

– Ничего не бойся.

Она не поверила. Пришлось тряхнуть её за плечи:

– Авдотья, я обещаю, что всё будет хорошо!

Она очнулась и спрятала лицо в ладонях. Трубин отметил довольным тоном:

– На вашем месте, мадам, я бы не давал подобных обещаний беглой проститутке!

– А я бы на вашем месте, господин, не обвиняла бы честную девушку бог знает в чём!

Голубые глаза полицейского смотрели на меня так странно... Мне показалось, что он садист. Да, я знавала таких мужчин. Для них нет больше радости даже не то, чтобы причинить физическую боль, а подчинить, унижить, растоптать.

Что ж, Афанасий Николаевич, посмотрим, кто кого растопчет.

– Аглая, – позвала я. – Закрой дверь как можешь и умеешь, никого не впускай до моего возвращения.

– Хорошо, мадам, – сказала она спокойно, но я видела, что девушка напугана.

– Я скоро вернусь, – бросила ей и, потянув за руку Авдотью, пошла к выходу.

У крыльца заведения стояла коляска. Не такая, как у меня, а старенькая, потрёпанная, запряжённая одной понурой лошадкой с нечёсаной гривой и куцым хвостом. Трубин широким жестом пригласил меня внутрь:

– Прошу, мадам.

– Сам такой, – буркнула я и увидела спешившего к нам Порфирия. Крикнула ему: – Порфирий, мне нужен адвокат, самый лучший! Немедленно!

Кучер остановился, хлопнув себя ладонями по ляжкам, прикрытым кафтаном, и побежал обратно к экипажу. Будем надеяться – побежал искать адвоката. Трубин буркнул:

– Не поможет. Садитесь уже, госпожа... м-м-м...

– Кленовская, – гордо заявила я и забралась в коляску, игнорируя протянутую мне руку.

Авдотья плюхнулась рядом и зашептала:

– Мадам, пропали мы, ой пропали! Этот полицейский настоящий зверь...

Я не нервничала. Сколько раз меня забирали в полицию –

не сосчитать. Ну, дадут штраф, ну, пожурят. Ничего, неприятность эту мы переживём, как в той детской песенке. Я была уверена, что с полицией всегда можно договориться. Не словами, так деньгами. Деньги у меня есть, мадам Корнелия оставила подъёмный капитал.

А вот Авдотья белела, краснела, молилась. Прямо вслух, однако молилась богине. Что у них тут за религия, интересно?

Мы ехали по городу, как мне показалось, в обратную сторону. К церкви. Да, точно, я же видела мельком вывеску «Полиция», когда проезжала мимо! Значит, туда нас и привезут. А люди на нас косились, некоторые крестились даже – в основном благообразные дамочки в шляпках и с кружевными зонтиками. Тьфу на вас, дамочки! Никогда не зарекайтесь от суммы и от тюрьмы.

Куда Корнелия спрятала деньги? Наверное, в сейф. Знает ли Лесси код сейфа? Сможет ли деньги взять? Или мне придётся упрашивать выпустить меня под честное слово? Как убедить полицейских в моих исключительно добрых и даже пуританских намереньях сделать из «Пакотильи» приличное заведение?

Кто на нас донёс?

Ксенофонт, к гадалке не ходи. Сучёныш обиделся за увольнение и решил отомстить. Удавлю гада, когда увижу. Если увижу...

– Приехали, девки, слазь.

Коляска остановилась перед полицейским управлением, которое было расположено очень удачно напротив церкви. Трубин выскочил первым и велел молодчикам в форме:

– Ведите их в арестантскую.

– Куда?! – изумилась я. – Вы что, сдурели? Какая арестантская!

– А вы думали, вас пригласят в отдельный кабинет для беседы? – съязвил Трубин. – И чайку сервируют?

– Конечно! – нагло заявила я. – Вы дам бросите за решётку без разбирательства?

– Ай, некогда мне с вами языком чесать, – отмахнулся Трубин и ушёл. Один из полицейских подал мне руку:

– Прошу, дамочка, не извольте буяннить, очень не хочется вас силой...

– Не буду я буяннить, – буркнула. – А начальство есть какое-нибудь тут?

– Так господин Трубин же.

Я сошла на брусчатку дороги, Авдотья сползла следом и вцепилась в меня:

– Мадам, мадам, не оставляйте меня одну, умоляю!

– Да успокойся ты! Всё будет хорошо.

– Ой, не верю, не верю, мадам! Отправят депешу домой, папенька узнает, богиня...

– Авдотья! – рявкнула я. – Молчи! Лучше молись, так от тебя меньше шума!

Она послушалась. Нас провели через приёмную, где пы-

линки плясали в лучах света, проникающих через плюшевые шторы на окнах, в арестантскую. Это оказалась клетка, ого-роженная толстыми решётками в дальнем углу зала. Один из полицейских с почтением пригласил нас войти за решётчатую дверь и повернул ключ в замке. Потом сказал:

– Прошу прощения, госпожа Кленова.

– Кленовская, – прошипела я. – Начальство позовите! То, что повыше Трубина.

– Как вернутся с доследования, – кивнул он и ушёл.

Я села на шконку и вздохнула. Огляделась. Мы в углу, тут никого нет, если покричать – может, и услышат. Или нет. Авдотья молится рядом. Ладно, подождём, когда начальство вернётся с доследования.

Похоже, я даже задремала. Было с чего – ночь не спала, потом старуху встретила, безо всякого отдыха попёрлась в заведение... Очнулась от звяканья ключа в замке. Подняла глаза и увидела Трубина, который вошёл в арестантскую. Так-так, опять он? А где его начальство?

Об этом и спросила, но полицейский чин усмехнулся и ответил, как будто промурлыкал:

– Ну зачем вам моё начальство, госпожа Кленовская? Я пришёл предложить вам сделку.

– Какую сделку?

– Очень выгодную для вас, э-э-э...

Он явно ждал, что я ему представлюсь, но я не представила этому типу такое удовольствие. Спросила:

– Конкретнее?

– Госпожа Кленовская, я могу выпустить вас и прекратить всякие следственные действия за одну маленькую услугу...

Он придвинулся ближе, грубо нарушая моё личное пространство. Я хотела бы отодвинуться, но справа была решётка, слева Авдотья, а сзади шконка. Поэтому я вскинула лицо, отстраняясь, и ответила:

– Хотелось бы знать, какую услугу вы от меня хотите.

– О, сущий пустяк, госпожа Кленовская! Встретимся через час в номерах, и дело решённое.

Я только глаза распахнула, не веря своим ушам. Потом переспросила:

– Что?

– Да-да, моя прекрасная мадам, в номерах! Вы не останетесь обиженной, госпожа Кленовская...

И он придвинулся ещё ближе, совсем близко.

Я медленно стащила перчатку, отложила её на шконку.

Пощёчина прилетела ему в лицо, когда Трубин не ожидал. Отшатнулся. А я, выудив откуда-то из глубин памяти все просмотренные мною сериалы и прочитанные книги, крикнула:

– Подите прочь, сударь!

– Ах ты дрянь! – прошипел Трубин.

– Что здесь происходит?

Я выдохнула и оттолкнула Трубина подальше, чтобы рассмотреть подошедшего господина с тростью. Он оказался до-

вольно молодым и симпатичным, с правильными чертами лица и небольшой бородкой, с пронзительными карими глазами. Пальто, котелок... Не начальство ли?

– Прошу прощения, эта профурсетка меня ударила, господин Городищев! – пожаловался Трубин. Городищев оглядел меня, Авдотью, которая тихо плакала в уголке шконки, Трубина. Сказал:

– Афанасий Николаевич, займитесь текущими делами. Я сам допрошу госпожу... э-э-э.

– Кленовскую, – сказала я с достоинством, потирая ладонь.

– Прошу вас, госпожа Кленовская, пройдёмте в кабинет, а вы, Трубин, распорядитесь подать нам чаю.

С трудом удерживаясь от того, чтобы показать скукожившемуся Трубину язык, я с достоинством вышла из камеры и попросила Городищева:

– И Авдотью с нами возьмите, она ни в чём не провинилась, бедная.

– Разумеется, – ответил Городищев скупно.

Какой милый! Даже не милый, это определение для любого мужика без склонности к агрессии. А Городищев такой... Сдержанный. Вежливый. Идеальный. Ах какой мужчина!

Идеальный мужчина провёл нас до кабинета, пропустил внутрь, открыв дверь, и сказал:

– Прошу, садитесь. Позвольте представиться: надворный советник Платон Андреевич Городищев, дознаватель Ми-

хайловской полиции.

Я каким-то внутренним чувством самосохранения ощутила, что надо ответить так же. Ответила:

– Татьяна Ивановна Кленовская, новая хозяйка «Пакотили».

– Извольте принять мои искренние поздравления.

Лицо Городищева ясно разлилось с его словами. Он не рад. Совсем не рад. Я понимаю. Завязала я, Платон Андреевич! Но как ему сказать об этом?

– Я сейчас вам всё объясню. Я уволила управляющего Ксенофонта, который лапал девушек и явно крал. А этот поганец заявил в полицию.

– Чем же вы объясните, Татьяна Ивановна, что ваша девушка, – он заглянул в бумагу, лежавшую на столе, – Авдотья – без жёлтого билета работает в заведении?

Я села. А потом встала. Сказала:

– Ничем, уважаемый Платон Андреевич. Жёлтый билет ей просто не нужен.

– Как так, Татьяна Ивановна?

Он даже усмехнулся, глядя мне в глаза. Тоже встал, обошёл стол и приблизился. Я запаниковала. Может, и он приставать надумал?

Его лицо внезапно оказалось совсем рядом – а у меня внезапно весь воздух из лёгких улетучился в прекрасное далёко... Хотя бы в обморок не упасть!

– Татьяна Ивановна, что с вами?

Он поддержал меня под руку, и я очнулась. Его лицо показалось мне усталым. Усы эти его странные... Он прикидывается сильным, а сам очень устал.

С усилием выпрямилась, и посмотрела в карие глаза. Они были холодны, хотя карие обычно тёплые. Но Городищев только делал вид, что проявляет участие. На самом деле я видела: ему всё побоку. И я, и Авдотья, и все остальные дела этого полицейского участка. Ему бы выспаться... Как и мне.

– Я в порядке, – ответила тихо. – Устала очень.

– Сейчас подадут чай, – сказал он и, оставив меня, подошёл к двери, открыл её, выглянул в коридор: – Трубин! Где же чай?!

В коридоре протопали шаги, и Трубин, который выглядел не слишком довольным, принёс серебристый самоварчик. Я умилилась – какая прелесть! Настоящий самовар, даром что маленький! От него шёл пар изо всех щелей, а сверху корону самовара венчал пузатый фарфоровый чайничек. Поставив самовар на стол, Трубин глянул искоса на Городищева, и тот взмахом руки отпустил его:

– Идите.

Когда Трубин вышел, я улыбнулась:

– Чай – это прекрасно. Авдотья, садись, сейчас будем пить чай.

Господи, какие глупости я говорю! Горожу для Городищева полную чепуху! Но, по-моему, тут все так трюндят, так что я не выбиваюсь из общего ряда. Но Авдотья не двину-

лась с места. Она выглядела не менее напуганной, чем в арестантской.

– Авдотья! – шикнула ей. Городищев подошёл к девушке и поднял её лицо пальцами:

– Что ж, Авдотья, мадам надо слушаться.

– Простите, – пробормотала она.

Городищев достал из стеклянного шкафчика, занавешенного изнутри шторками, три стакана в подстаканниках – ей богу, как в наших поездах! – и налил в каждый заварки из чайника. Потом поднёс стаканы по очереди к кранику самовара и долил горячей водой. Поставив передо мной один, спросил:

– Сахару, Татьяна Ивановна?

– Покорнейше благодарю, – отказалась я. Откуда все эти словечки в моём репертуаре?

Он положил два куса неопределённой формы себе в чай и принялся размешивать ложечкой. Потом посмотрел на меня пристально:

– Татьяна Ивановна, так что вы хотели сказать? Отчего Авдотье не нужен жёлтый билет?

– Потому что она не работает у меня... хм, как там сказал господин Трубин? профурсеткой. Она служанка.

– Это ещё надо доказать.

– Каких доказательств вы хотите? Есть только моё честное слово. И «Пакотилья» прекратила своё существование.

– Как это?

Он казался удивлённым. Карие глаза смотрели пристально, настойчиво. Я улыбнулась, ощущая, как вымоталась. Сказала:

- На месте заведения я хочу открыть музыкальный салон.
- Музыкальный салон?

Городищев даже поперхнулся глотком чая, закашлялся. Подавив в себе желание вскочить и похлопать его по спине, я подтвердила самым спокойным тоном, на который была сейчас способна:

- Совершенно верно. Салон, куда будут приходить не за плотской любовью, а за эстетическим наслаждением от хорошей музыки, дорогого вина и общения с интересными собеседниками.

Тут, похоже, удивилась даже Авдотья. Но я не обратила на неё никакого внимания – не на Авдотью я смотрела, а на кареглазого коллежского асессора Городищева. Прокашлявшись, он усмехнулся и легонько склонил голову, словно признавая за мной право совершать ошибки:

- Что же, это богоугодное дело, Татьяна Ивановна. С любопытством зайду к вам, когда вы откроетесь.

– Благодарю, – ответила я. – Так что с паспортом для Авдотьи?

– Думаю, мы можем устроить это, – задумчиво сказал Городищев. Мне показалось, что он уже думает о чём-то другом, и даже захотелось немного обидеться. Я отпила глоток горячего чая и поставила стакан на стол. Авдотья сделала то

же самое. По-моему, она боялась даже дышать в кабинете полицейского. А мне наоборот дышалось очень легко, когда я смотрела на Городищева.

Лес я знаю, мужчин тоже...

Этот мною даже не заинтересовался, кроме как случаем полицейского беспредела в рядах сотрудников. А это значит... Что это значит? Что я выгляжу в горчичном платье, как чучело – раз. Что, возможно, он женат и счастлив в браке – два. Что я старею и теряю хватку – три.

Ни одна из этих версий для меня не приемлема.

Может быть, надо надавить?

Я даже уже рот открыла, чтобы задать какой-нибудь идиотский вопрос и прозондировать Городищева на предмет его предпочтений в женщинах, но в коридоре раздались шум и громкий голос:

– Я имею право, я адвокат!

Дверь распахнулась, и в кабинет ворвался господин в элегантном пальто, в серой шляпе и с тростью. Его роскошные усы блестели, а глаза горели возбуждением. Он ткнул кончиком трости в Городищева и заявил:

– Госпожу Кленовскую необходимо отпустить за неимением доказательств её вины!

– Господин Волошин, – усмехнулся Городищев. – Приветствую вас. А к госпоже Кленовской у нас нет никаких претензий. Она может быть свободна.

И он подтвердил это соответствующим жестом, словно от-

пустил меня на все четыре стороны. Я обрела способность говорить, потерянную при появлении адвоката, и спросила:

– А Авдотья?

– Я выпишу ей паспорт самолично, госпожа Кленовская, и отпущу, – он посмотрел мне в глаза и улыбнулся так, что сердце моё упало куда-то в район попы. Презирает. Но почему?

– Благодарю вас, – я встала, забрав у Авдотьи свои перчатки, и обернулась на адвоката: – Господин Волошин, вы позаботитесь о девушке?

– Разумеется, – он слегка поклонился. – Но сначала я отвезу вас домой, госпожа Кленовская.

Я хотела возразить что-нибудь, но благоразумно заткнулась.

Мне и правда надо домой.

У меня самой-то в этом мире есть паспорт?

Глава 5. Изыскиваю

Перед полицейским управлением стояло два экипажа: тот, на котором нас с Авдотьей привезли, и тот, который мне выдала в пользование мадам Корнелия. С облучка последнего соскочил проворный, несмотря на свою комплекцию, Порфирий и поклонился в пояс:

– Барыня, всё исполнил, как было велено!

– Спасибо, Порфирий, ты очень вовремя, – ответила я ему. Мужик расслаился, как новый рубль, и прогудел в кулак:

– Куда теперича, барыня?

– Любезный, отвези нас к Татьяне Ивановне домой, – велел Волошин, протягивая мне руку. – Позвольте вам помочь, Татьяна Ивановна.

Я не решилась отбрить его. Всё-таки прискакал галопом в полицию меня вызволять! Ну, деньги, да, но всё же...

Забравшись в коляску, я села в самый угол, а Волошин пристроился рядом, вытянул свою трость и тронул кончиком спины Порфирия:

– Трогай.

Вот за это надо убивать... Но я промолчала, ибо Порфирий как будто только этого и ждал, скомандовал лошадке:

– Н-но, пошла, родимая!

Мы заколыхались в такт лошадиной рыси по булыжникам мостовой, и Волошин озаботился внезапно:

– А вам предъявляли обвинения, Татьяна Ивановна?

– Вроде да, но потом как бы и нет.

– Это хорошо... хорошо.

Он задумался, а я вдруг сообразила:

– Я, наверное, должна вам гонорар?

Волошин очнулся от мыслей, очень деликатно рассмеялся:

– Что вы, что вы, Татьяна Ивановна! Корнелия Яковлевна передала мне вас на тех же условиях, на которых мы с ней сотрудничали!

– А можно узнать условия? – во мне проснулась деловая женщина с хваткой. Вдруг там вообще что-то кабальное? А я тут разъезжаю с ним по улицам... А вдруг у него поминутная оплата?

– Конечно, Татьяна Ивановна. Корнелия Яковлевна меня вызывала при любых проблемах, а в определённое время, раз в год, её банковский поверенный присылал мне оговоренную сумму.

– То есть, ваш тариф не меняется, даже если я вас буду вызывать каждый день?

Ну понятно, абонемент. Знаем, видали. И ещё обманывают. Много обманывают!

– Конечно же нет, Татьяна Ивановна, да у вас же есть договор!

– Я не видела договора.

– В сейфе Корнелии Яковлевны. Она должна была вам

оставить код.

Он вдруг ахнул, качая головой, пугая меня. А потом вынул из-за обшлага пальто конверт:

– Ну разумеется! Она же оставила письмо. Вот, возьмите.

Я приняла между пальцев крафт конверта. Толстенький. На лицевой стороне написано: «Татьяне Кленовской». На оборотной: «От мадам Корнелии». Хорошо. Почитаю.

– Как вас зовут? – спросила я у адвоката.

Он слегка удивился, но ответил:

– Иван Арсеньевич Волошин, к вашим услугам.

– Очень приятно, – ответила я. – Моё имя вы уже знаете.

– Разумеется. Корнелия Яковлевна мне о вас говорила.

Она велела исполнять ваши указания, как её собственные!

– Вононо чо Михалыч, – пробормотала я.

– Я знаю всё о вас, не кройте от меня подробности, если я могу вам помочь – к вашим услугам, Татьяна Ивановна.

– Иван Арсеньевич, я благодарна вам за всё, что вы делаете.

Да, я была благодарна, но больше всего на свете мне хотелось избавиться от Волошина. Даже не могу понять почему – ведь он весь положительный и очень приятный мужчина! И всё же. Чуйка, что ли? У меня чуйка на мужиков. Есть такое дело, когда ты всеми волосками на шее и руках ощущаешь – этот мужик принесёт проблемы, даже если он хорошо одет и выглядит с иголочки.

Вот Иван Арсеньевич Волошин производил именно такое

впечатление.

Поэтому я с облегчением выбралась из коляски напротив крыльца дома, в котором оказалась, попав в этот мир. А Порфирий оглянулся, чтобы получить указания. Я сказала:

– Отвези господина адвоката обратно к полицейскому участку и проследи, чтобы он проводил Авдотью в заведение. Потом можешь вернуться домой.

– Как скажете, барыня, – кивнул кучер.

– Спасибо за помощь, Иван Арсеньевич.

– До скорой встречи, Татьяна Ивановна, – Волошин коснулся пальцами полей шляпы, и коляска двинулась дальше по улице, чтобы развернуться на углу. А я вздохнула свободно и вошла в дом.

Затхлый воздух в коридоре улетучился, когда я открыла дверь. Колокольчик звякнул, и тут же появилась Лесси:

– Барыня вернулись?

– Да, – коротко сказала я, стаскивая надоевшую шляпку. Перчатки бросила на консоль у стены. Девушка присела в книксене и спросила:

– Обедать, барыня, или чай?

– Обедать, – ответила. – И чай. В кабинет.

– Как барыне будет угодно, – ответила Лесси и юркнула на кухню.

Хорошо, что здесь не надо снимать обувь! Я прямо в ней прошла в кабинет, закрыла за собой дверь и положила на стол конверт. Читать письмо было немного стрёмно, но надо.

Мне нужны деньги. Мадам Корнелия умная баба, она всё на меня скинула и просто свалила. А мне разгребай!

Впрочем, я сама кое-где виновата. Ксенофонта уволила, а мадам этого не предусмотрела. Собираюсь сделать музыкальный салон из борделя. Учинила афронт полицейскому. Я вообще попаданка супер-мега класса. Уволить бы меня без выходного пособия, да некому. Мадам Корнелия изволила свалить на побережье.

Знать бы ещё только – на побережье какого моря?

Со вздохом я взяла конверт в руки и решительным жестом оторвала край. Вынула письмо, сложенное вдвое, а за ним – бумаги. Отложив их пока в сторону, развернула письмо. Мелким почерком мадам Корнелии там было написано:

«Дорогая Танечка, как я и предполагала, вы согласились на моё предложение, что меня немало радует. Вы женщина умная, хваткая, и я уверена в вашем успехе на поприще славных увеселений в Мишеле. Засим позвольте мне сообщить вам код от сейфа, в котором я оставила вам некоторые деньги для ведения дела».

Четыре цифры: 5218.

«Не сочтите за тягость принять на себя заботу о девицах, которые, хоть и дуры безмозглые, обладают значительным потенциалом в деле соблазнения мужчин. По всем финансовым вопросам извольте обращаться к моему банковскому поверенному, господину Бергу Льву Иосифовичу. Также в вашем распоряжении будет адвокат, господин Волошин

Иван Арсеньевич. У него есть навыки общения с полицией и прочими государственными органами. Не стыдитесь звать его, ведь я плачу ему довольно неприличную сумму денег в год».

Да, это я помню. Адвокат сказал. Так, что ещё?

«Управляющий Ксенофонт поможет вам с девицами, которых нужно всё же держать в узде. Он ловкий малый с большим опытом. А с остальным, думаю, вы справитесь. Удачи вам, милая Танечка, и до встречи через год. Мадам Корнелия Фонти».

Ишь!

Удачи...

Ладно. Удача мне не помешает. Да и вообще, мне сейчас не помешают деньги. Я встала, оглядывая кабинет и пытаюсь отыскать сейф. Его нигде не было видно. Отлично! А что мне теперь делать? Обшаривать тут всё и заглядывать под каждую картину?

На моё счастье в дверь постучали и, не дожидаясь ответа, вошла Лесси с подносом. Она присела в книксене и спросила:

– На стол, барыня?

– На стол, – машинально ответила я, потом вскинулась: – Лесси, ты знаешь, где у мадам Корнелии сейф?

Девушка посмотрела на меня удивлённо, но, как отлично вышколенная служанка, спросила вежливо:

– Барыня позволяют?

– Показывай! – фыркнула я, чтобы прервать версаль. Лесси подошла к книжной полке и потянула за корешок тоненького томика. Шкаф скрипнул, вздохнул, и несколько полок медленно отворились вбок. За ними оказалась внушительная тяжёлая даже на вид дверца сейфа.

– Пожалуйста, барыня, – скромно сказала Лесси, снова присела и удалилась, не забыв снять клош с тарелки.

Я проводила её взглядом. Хорошая девочка, интересно – почему мадам Корнелия называла её ленивой и тупой? Ладно, разберёмся. Сейчас сейф. Подошла к нему, осмотрела. Колёсико с цифрами. Надо крутить. В принципе, ничего сложного. Покрутила колёсико до отметки на цифре 5, потом на остальные цифры. А вдруг не откроется? Вдруг есть какой-нибудь секрет?

А позвонить и спросить никак... Телефон ещё не изобрели.

В сейфе что-то гулко щёлкнуло, и дверца отворилась. На потёртом бархате полочек лежали пачки бумаг, обмотанные шёлковыми ленточками крест-накрест. Стопка блёклых монет сиротливо пряталась в уголке. А ещё в сейфе был симпатичный кожаный футлярчик. Я потянула его к себе, тихо надеясь, что там бриллиантовое кольцо. Но в футлярчике оказался невзрачный мелкий и корявый жемчуг. Он прятался под запиской, написанной твёрдым округлым почерком: «Надевать только в случае крайней необходимости!»

Интересно чукчи пляшут...

А что такое крайняя необходимость? И вообще, чем жемчужное ожерелье поможет мне в случае крайней необходимости?

Блажь старушечья, вот и всё. Ладно, потом разберусь. Наверное... Теперь надо посчитать, сколько Корнелия мне оставила на бедность. Деньги тут, конечно, очень странные. Я развязала одну из ленточек, взяла бумагу и прочитала: «Объявителю сей государственной ассигнации платит ассигнационный банкъ пятьдесят рублей ходячею монетою». Всего таких «банкнот» было десять. Двести пятьдесят рублей. Даже смешно стало – ну что это за деньги? А потом подумала, что ничего не знаю о здешних ценах. Сейчас пересчитаю всё и позову Лесси, чтобы она мне рассказала.

Всего в сейфе оказалась тысяча рублей в ассигнациях по двадцать пять и пятьдесят рублей, восемьсот рублей серебряными монетами и двести – золотыми. Я богата, у меня две тыщи! Ура.

Или не ура?

Блин, как бы по ценам сориентироваться?

Я сложила деньги обратно в сейф, закрыла его и села за стол. В тарелке ещё парил светло-зелёный суп-пюре, а в другой – остывали какие-то мелкие птичьи ножки, запечённые со свеклой. Чёрный хлеб, нарезанный брусочками, лениво лежал веером в крохотной, будто кукольной корзиночке. Бутылка белого вина, запотевшая с холода, была откупорена, а рядом стоял узкий бокал на высокой ножке.

Что ж.

Пора бы и подкрепиться.

Ела я без удовольствия. В голове крутилась мысль о том, что мадам Корнелия точно убьёт меня, если я запорю ей бизнес. Что мне известно о работе музыкального салона? Ну, ясен пень, там поют и играют на музыкальных инструментах. У нас есть рояль, есть Аннушка, которая фурычит в рояле. Есть Аглая с её шикарным голосом... Что дальше-то?

Налила в бокал немного вина и проглотила залпом.

Мне нужно нечто, что выделит одно конкретное заведение из множества остальных. Белое, остренькое, сладкое на послевкусии вино вдруг прочистило голову. Ясная мысль выбилась наружу и заплясала, отбивая чечётку.

Пользуясь своими знаниями и тем, что придумано в твоём мире, Таня!

Отбросим Тик-ток и прочие видео- и фотогалереи. Тиндер? Знакомства? Неплохая идея. Надо только узнать, как тут обставлено дело со сватовством.

Я схватила бумагу и, неуклюже ворочая пером, вывела нетвёрдо «Знакомства» первым пунктом. А дальше в порыве вдохновения написала «Театр». Проглотила пару ложек супа, задумалась. Театры-то тут наверняка есть. Опять же надо чем-то выделиться. А что придумали люди в моём мире? Правильно, садись, пять.

Сериалы!

А что? Актрисы из девчонок должны получиться непло-

хия, а сценарии... Можем писать их вместе. Какие-нибудь душещипательные мелодрамки публике понравятся, а если ещё и с моралью, то вообще получится прекрасно! Каждую неделю, скажем, новая серия. Чтобы узнать продолжение, люди будут приходить и платить за спектакль, а ещё и напитки будем подавать, лёгкие закуски...

Написала напротив театра «сериал» и задумалась. Для театра нужны декорации, костюмы, макияж. Нужно время, чтобы написать пьесу, выучить, отрепетировать, подготовить всё. Нужны деньги, чтобы жить, есть и мыться. Нужно продумать концепцию и план наших вечеров. Хватит ли мне месяца? О, и ещё реклама! Это обязательная стадия, если я хочу зарабатывать.

«Реклама» добавилось к моему списку в самый конец листа. Я задумчиво обвела слово несколько раз и отодвинула от себя полупустую тарелку. Налила ещё вина в бокал и громко крикнула:

– Лесси!

Девочка появилась примерно через пол-минуты. Присела в книксене, что начало меня раздражать, спросила:

– Чего барыня желают?

– Барыня желают... Тьфу! Скажи мне, сколько стоит хлеб?

Лесси подняла брови, но ответила послушно:

– Так четыре копейки, барыня.

– Молоко?

– Семь копеек пинта, барыня.

– Сколько ты получаешь зарплату?

– Что барыня изволит спрашивать? – удивилась Лесси. Я перефразировала, вспомнив:

– Жалование твоё изволю узнать.

– Десять рублей в месяц, барыня... – девочка помолчала, пока я переваривала и пыталась сосчитать, сколько хлеба она может купить на свою зарплату, а потом спросила осторожно: – Барыня недовольны моею работою? Желают продать меня?

– Что значит «продать»? – удивилась уже я.

– Ну как же... Ежели барыня недовольны, ежели присмотрели другую горнишную... – голосок девочки сорвался, она всхлипнула: – Не губите, барыня, я всё-всё буду делать, как вы прикажете, только изъясните желание!

Твою мать.

Я вздохнула, осознав, что попала в самый разгар крепостного права, и сказала твёрдо:

– Лесси, я не собираюсь тебя продавать. Ты меня вполне устраиваешь. Я просто хочу узнать цены, чтобы сориентироваться в деньгах.

Девочка прижала руки к груди, ответила с чувством:

– Я всё для вас, барыня, всё! Только скажите, только глазоньками покажите, я тут же, мигом!

– Успокойся, Лесси! Мне бы какую-нибудь газету, что как где и по какой цене покупается. Понимаешь?

– Сейчас же принесу, барыня, не извольте беспокоиться!

Она выскользнула из кабинета, а я взялась за голову, снова ощутив боль в висках. Поставила локти на стол, пользуясь, что никто меня не видит, и закрыла глаза. Что день грядущий нам готовит...

Знакомства, театр, сериал, реклама.

Но начать нужно, естественно, с ремонта. Заведение мадам Корнелии было не то чтобы ветхим, но и лоском не блистало. Потёртые диванчики, пыльные шторы... Да что там. Рояль и тот кое-где поцарапан, а уж расстроен наверняка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.